

Сана Савинова

"Эвересты души" или история одного восхождения

16+

Сана Савинова
«Эвересты души», или
История одного восхождения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65533537

SelfPub; 2021

Аннотация

Я называю ее «историей Анри». Уже первые дни знакомства с ним принесли неподдельный интерес к личности и судьбе этого человека, к его мечтам, творчеству и жизненным приоритетам. Дальнейшее общение с Анри вызывало все больше вопросов и усиливало желание получить на них ответы. Наш диалог перешел в настоящую «исповедь его души», и в одном из разговоров я вдруг ощутила искренне желание написать о нем, необыкновенном мужчине из другой страны, «другого мира», но такого близкого и понятного мне. Я перевела стихи Анри с французского с помощью стандартного интернет-переводчика, поэтому у вас не будет возможности увидеть и почувствовать авторскую музыку поэтических рифм, но я максимально сохранила тему, настроение, эмоции... Это не просто история жизни одного отдельно взятого человека, это гимн человеческому упорству, воле, красоте восприятия окружающего мира, вере и надежде на обретение своего счастья в идеальной любви к женщине.

Сана Савинова

«Эвересты души», или История одного восхождения

В пригороде Парижа, в уютном, красивом городке, построенном для американцев, участвовавших в плане Маршалла после войны, из маленького домика, окруженного небольшим садом, слышались звенящие ноты «Волшебной флейты» Моцарта.

Эфирные звуки тут же испарялись, столкнувшись с отполированным, нагретым летним солнцем серебром граммофонной трубы, но не исчезали бесследно: они просачивались сквозь приоткрытое окно, окутывали нежную зелень деревьев, присаживались на качели, прятались среди крупиц золотого песка в детской песочнице, цеплялись за белый бархат одуванчиков в надежде продолжить свое чарующее существование.

Эхо скрипичного сокровища Баха нетерпеливо выталкивало из сада безмятежные отголоски флейты – и всю эту музыкальную феерию ленивый ветер неспешно поднимал и распылял над крышами невысоких домов.

Анри, весь во власти дрожащих звуков граммофона и ве-

рениц возникающих образов, кружащих вальсы в его воображении, неловко прислонился к подоконнику и с неуправляемым интересом наблюдал за играющей во дворе соседской девочкой с длинными белокурыми волосами.

Маленький ангел улыбался своим девичьим радостям, солнечный луч скользил по ее нежным щекам, заглядывал в ее безмятежные глаза и прятался за пушистыми ресницами. Солнечные блики играли свою чехарду на пастельном шелке ее красивого платья.

Анри не мог оторвать от нее взгляд.

Обжигающая волна восхищения, подгоняемая звуками Баха, внезапно подняла его на высоту восторженного гребня и понесла навстречу белокурому ангелу – чистому, нежному, таинственному.

Первые нотки детской любви соединились в волшебный узор ярких переживаний, сплелись в фантастическую партию чувств и навсегда остались в памяти Анри семафорами верности своей мечте.

Он забрал ее из детства в юность и боролся за нее в зрелости в надежде радоваться ее присутствию в старости. Так, миг восторга и необъяснимого счастья подарил Анри веру в мечту об идеальной любви, которую он пронес через всю свою жизнь.

Шаг за шагом, усилие за усилием, победа за победой, чувство за чувством, прощение за прощением, поэзия за поэзией, желание за желанием, терпение за терпением, год за го-

дом поднимался Анри все выше и выше к своему мальчишескому идеалу, на свой «Эверест Мечты» к горизонту идеальной Любви, имя которому Счастье.

Анри был хорошим учеником, и даже очень хорошим – он почти всегда был первым в своем классе, в школе Святого Чарльза, где учились одни мальчики. Это была религиозная школа, со строгой дисциплиной, учителями-священниками, обязательной мессой по средам и запретом на выход за ее пределы в полдень для старших классов. Анри возненавидел ее, но не мог послушаться родителей, поэтому в минуты отчаяния позволял себе с обидой упрекать их в этом решении.

Было одно условие, ради которого он должен был хорошо учиться, и нарушить которое не посмел бы никогда – игра в хоккей, поэтому отличные оценки и высокие результаты отмечали его детское трудолюбие.

Анри был не один, воюющий против своих родителей и школы кюре, у него были друзья-единомышленники, маленькая веселая группа друзей – мальчишки, сумевшие защитить себя смехом от притязаний строгих учителей. Они постоянно рассказывали анекдоты (конечно, девушки были их любимой темой), время обеда превращалось в безудержное веселье, настолько интенсивное, что они буквально корчились от смеха, катаясь по полу, пока не приходил надзиратель и не угрожал им наказанием, что еще больше раззадоривало всю компанию.

Да, Анри ненавидел эту школу, но он обожал своих при-

ателей, и, в конце концов, был счастлив, не желая признаться себе в этом.

Однажды отец повел десятилетнего Анри на демонстрационный матч по хоккею. Он был очарован и покорен скоростью, мощностью, смелостью этой игры, и все его разговоры были только о хоккее и о том, что это был бы самый лучший подарок ему на день рождения, если бы родители согласились записать его в только что созданный хоккейный клуб.

Так застенчивый Анри вместе со своим младшим братом стал членом детской хоккейной команды, с этого момента началась его страсть к хоккею и оставалась центром жизни до двадцати лет.

«Хорошо работайте в школе, будьте послушны, иначе мы лишим вас хоккея!» – напутствовал отец братьев, и они знали, что его угрозы не повиснут в воздухе.

Это был очень хороший хоккейный клуб, с чешским тренером, который бежал из своей страны. Анри быстро нашел новых друзей и со временем очень привязался к ним: все они разделяли одну и ту же страсть к игре, учились командному духу, товариществу, настоящей дружбе и усилению.

Была в этой игре и «темная сторона луны» – раздевалка – ужасное место для слабых, которых «пожирают волки», место предательства, человеческой подлости и злости.

Команда состояла из мальчишек десяти-двенадцати лет – разница в два года в этом возрасте огромна, поэтому соблазн «проявить» себя над «слабыми» постоянно искушал здоро-

вяков, к тому же, многие пришли из других клубов, и уже имели опыт хоккейной игры, что тоже добавляло им престиж и авторитет.

Особенно выделялась «братия» из трех братьев, младшему из которых было 12 лет. Этот щуплый, невысокого роста парнишка стал настоящим «демоницей» со «змеиным языком» и злым сердцем, своими вредными шутками и каламбурами наводивший ужас на тех, кто не мог противостоять его нападкам. Он легко находил в других самое уязвимое место и с насмешливой постоянностью давил и ранил морально в любое время и кого угодно.

Возможно, это было средством защиты от его маленького роста, возможно, присутствие старших братьев придавало наглой уверенности и бравады, но главным его козырем стали те немногие, которые предпочли громче всех смеяться над его шутками, усиливая обидные и досадные эффекты.

У этой «маленькой чумы» было прозвище "Бобосс", что означало "маленький босс" или «маленький шеф».

Среди обычных «мишеней» были и те, которые страдали больше других: Бобосс выбирал для жертв самых слабых. Не стал исключением и робкий Анри – он регулярно становился объектом насмешек Бобосса и его «лейтенантов», а все потому, что у него были большие оттопыренные уши и большие зубы, за это он получил право на прозвища "Дамбо" или "Багс Банни". На самом деле, его зубы и уши не были такими уж ужасными, но этого было достаточно, чтобы Бобосс

приказал, и его мнение было подхвачено остальными.

Анри был обижен и страшно злился, но ему так нравилась хоккейная игра, что он подавлял свой стыд и слезы, думая лишь о том, какие желанные полтора часа он собирается провести на льду.

Настоящим испытанием была душевая – еще одна тема для горьких насмешек и оскорблений Бобосса над развивающейся анатомией подросткового тела.

Очень удивительно, как извращенная личность совсем еще ребенка смогла взять верх над большинством, объединенным духом командной игры в хоккее.

Два года спустя Анри влюбился в фигуристку Элизабет, младшую сестру одного из игроков. Он был без ума от нее, но природная застенчивость не пускала открыто заявить о «своем пламени», и его состояние перешло в настоящий «транс любви», что послужило новым поводом для насмешек: над ним, над его платонической любовью и неспособностью получить поцелуй от Элизабет весело смеялись.

Анри робел в ее присутствии и позволял себе лишь украдкой любоваться ее тонкой грацией, изящными движениями рук и завораживающей улыбкой, от которой сжималось все внутри и холодным инеем сковывало готовые сорваться с губ слова признания.

Элизабет выросла и цвела красной розой очарования, окруженная брызгами ледяных кристаллов, скоростью волнующего танца, восхищенными взглядами поклонников ее

таланта. Она почти не замечала Анри, или дела вид, что не замечала, но она не могла не знать о его чувствах – «шепот раздевалки» был гораздо громче команды тренера.

Анри берег в своем сердце эхо этой платонической любви до шестнадцати лет, а шутки в его сторону продолжались далеко за их пределами, почти до восемнадцати.

Только чем дальше он продвигался по возрасту, тем лучше играл, и его статус "хорошего игрока" несколько ограничил желание Бобосса шутить над ним.

Но еще оставались самые слабые, те, кто плохо играл и кого осыпали насмешками все чаще и жестче, и случалось, что игроки таяли в слезах, не в силах справиться с собой.

Странное дело – тренер позволял, и ни один родитель никогда не жаловался.

Сила любви к Элизабет не давала пропасть усилию в достижении заветной цели – стать лучшим хоккеистом команды, стать ее лидером. Своим упорством Анри постепенно завоевывал уважение и признание всей команды, вокруг него сплотились единомышленники спортивного азарта, нацеленные на успех.

Финалом признания его спортивного трудолюбия и таланта стала игра в младшей, а затем в юниорской сборной команде Франции (чего нельзя сказать о Бобоссе – его испорченное нутро привело к наркотикам и спортивному забвению).

С семнадцати лет Анри играл за свой клуб, это было уже

искреннее мужское товарищество, конечно, с шутками, но лишенное той злобы, которая наложила отпечаток на его юношеские годы. Следующие три спортивных года принесли ему несколько титулов чемпиона Франции – и он по праву был одним из лучших игроков своей команды, ее капитаном.

Анри прошел это испытание – от «Дамбо», «Багс Банни» и «транса любви» до чемпиона Франции: не сломался, не сдался, проявил упорную волю – и поднялся на вершину своего первого в жизни Эвереста – «Эвереста Усилий».

Анри хорошо усвоил напутствие своего отца – его аттестат за среднюю школу содержал высший балл, и он, поддавшись уговорам учителей, на горделивую радость матери, записался в подготовительный класс, что позволяло ему подготовиться к экзаменам в самые лучшие инженерные школы.

Новый учебный год он начал в одной из лучших парижских гимназий, совсем один, оторванный от дома, родителей и близких друзей детства.

Анри жил в крохотной комнатке, всего восемь квадратных метров, зато в нескольких минутах ходьбы от учебных аудиторий. Программа подготовительного курса была настолько сложной, что справиться с ней могли только очень одаренные ученики: Анри окружали «маленькие гении», в отличие от него, понимавшие математику и физику с молниеносной скоростью.

Первые недели занятий стали настоящим испытанием и осознанием того факта, что его знания не такие блестящие,

как он себе это представлял. К тому же, он так и не знал, в какой из инженерных школ ему хотелось бы продолжить обучение. Анри «потонул как камень», сдавшись после одного месяца мучений, терзаемый растерянностью и огорчением происходящего, и после недолгих раздумий перевелся на курс естественных наук, в учебное заведение рангом ниже.

Это была так называемая «столичная мерзость», где учились тысячи студентов. Анри все еще не понимал, какую профессию он хочет получить, и совсем скоро большую часть свободного времени проводил в тусовке с самыми ленивыми и безрассудными студентами, занимая себя пустыми разговорами, анекдотами и настольным футболом в недорогих парижских кафе.

Ярко вспыхнувшая «звезда» взорвалась...

Но случилось в этом злополучном году и другое событие.

Совсем рядом от Анри жила семья его крестной матери. Его встретили, как родного – с мягкой любовью и добротой, которые Анри не встречал ранее. Муж его крестной оказался чрезвычайно умным и воспитанным человеком, он разговаривал с ним, как с равным, что искренне трогало Анри и заставляло задуматься. Его приняли в эту семью, где было своих четверо детей, и Анри заботился о самых маленьких, особенно за четырехлетним Антуаном, который соглашался есть свой суп только сидя у него на коленях, а старшей дочери он давал уроки математики. Вечерами они все вместе

слушали классическую музыку, и настоящим открытием для Анри стали чарующие произведения Малера – музыка прекрасная и глубокая, ставшая искренним напоминанием о тех чудесных вечерах.

Трудно предугадать, кем и чем стал бы Анри, если бы он не принял к сердцу доброту и участие в своей жизни семьи его крестной.

Анри совсем забросил подготовительные занятия, единственной жизненной дисциплиной оставался хоккей, и он уже подумывал о карьере профессионального хоккеиста. Анри был настолько потерян, что в столь юном возрасте стал интересоваться духовностью и часто спорил с дядей своего лучшего школьного друга, священником, который «открыл» ему глаза в этой области: он даже подумывал о том, чтобы уйти в монастырь.

В конце учебного года Анри не пошел на экзамены – он почти не посещал занятия и не работал самостоятельно.

Вернувшись домой, к родителям, сам не зная почему, он на все лето погрузился в свои книги по физике и химии и нашел это захватывающим.

Мама Анри проявила невиданное упорство и «кружила» над ним, как назойливая муха, требуя поступления в «медицину», – в ответ она слышала только раздраженное «нет». Анри «не любил кровь» и не представлял себе, что будет заниматься «такими учебками». Отец ничего не говорил – он доверял Анри.

Измученный нападками матери, он без всякого энтузиазма принес заявление в «медицину», где его встретила напыщенная секретарша факультета с ироничным и резким замечанием о том, что он ничтожество, и у него ничего не получится, это очень задело гордость и самолюбие Анри: он решил, что успешно пройдет испытание конкурса первого курса. Но – нет!

И следующий год Анри принял как вызов, как спортивное соревнование, которое он выиграл в числе 91 студента из 1100 подавших заявление – его победа принесла долгожданную радость и гордость его родителям.

Странно, но его успех в конкурсе на самом деле был обусловлен физикой и химией, над которыми Анри часами просиживал все прошлое лето: для медицинского конкурса был один предмет – «биофизика», в котором никто ничего не понимал, кроме него. Полученные самостоятельно знания принесли ему огромный бонус очков по этому предмету, и он заработал свое место на втором курсе медицинского факультета.

Пути Господни неисповедимы...

Хоккей уже потерял для Анри свое значение, потому что группа спортивных друзей, существовавшая в течение десяти лет, распалась по разным причинам: учеба, наркотики, подруги, споры о бонусах за матч – эта страница жизни перевернулась, ему нужно двигаться дальше.

Анри быстро завязал новые дружеские отношения «на

скамьях факультета» и открыл для себя скалолазание – свою вторую страсть. Эта страсть и дружба сделали его студенческие годы счастливыми, веселыми и незабываемыми: с игрой в настольный футбол (которые больше не заканчивались в кафе), бесконечными вечерами с шутками до слез от смеха, лазанием по скалам Фонтенбло, к югу от Парижа, где жили его родители, летними путешествиями по альпийским массивам и, конечно, со «взрослой любовью»: сначала с очаровательной маленькой евразийкой, а потом с очень серьезной девушкой, слишком серьезной...

На шестом курсе медицины Анри пришлось очень много работать, чтобы подготовить конкурс интерната: грааль студентов-медиков. Во время работы над конкурсом он проходил стажировку в отделении дерматологии, и это стало настоящим потрясением и откровением для Анри, считавшего дерматологию глупой, мелкой и неинтересной, потому что встречал ее только в учебниках, а не наяву.

Наконец-то он нашел медицину, которая его привлекала: можно пользоваться только своими знаниями, глазом, пальцами, размышлениями, опросом пациента и находить ответ! Анри видел во всем некую врачебную магию: «я смогу сам сделать нужную микстуру», – думал он, внимательно наблюдая за работой опытного дерматолога.

Долгие годы ему пришлось самостоятельно постигать знания и приобретать опыт работы врача-дерматолога, что он и делал с ожесточением – Анри не терпел, чтобы кто-то мог

назвать его ничтожеством.

Сорок лет подъема на вершину «Эвереста Знаний» – и теперь уже к нему приходят студенты-медики, увлеченные магией дерматологии, и Анри не скупится – он рад поделиться с ними своим опытом признанного профессионала и накопленными научными исследованиями.

Закончив учебу, Анри покинул Париж и его серость ради южного солнца, и поселился недалеко от дома родителей.

Медицина, спорт и покорение скал занимали в то время лидирующие позиции в потоке его повседневности – мечта об идеальной любви пряталась за фасадами любовных приключений, иногда напоминая о себе призрачными образами из детства и юношества.

Анри заново открыл для себя отца: более близкое общение с ним, уже тяжело больным, принесло новое уважение и понимание того, что без его суровости ему было бы плохо, что отец глубоко любит его и сознательно позволяет ему делать свой жизненный выбор.

Анри уважал и очень хотел угодить отцу в его желании увидеть внуков. Он тогда встречался с красивой высокой девушкой, врачом общей практики, она была родом из итальянской семьи и традиционно подчинялась ее законам, что сильно отличало ее от других представительниц прекрасного пола из демократичных французских семей.

Скорее всего, в знак признательности отцу, Анри женился на этой девушке, и родившийся вскоре первенец принес дол-

гожданную радость его родителям. Последние полгода жизни отец Анри имел счастье видеть своего маленького внука.

Молодой врач, молодой муж, молодой папа, Анри нужно было взять на себя все эти роли, но на юге Франции врачей было «слишком много», и молодая семья вынужденно переехала на север страны, в небольшой город, где была вакансия для врача-дерматолога.

Через два года родилась дочь, и жена Анри, позабыв о своей женственности, полностью погрузилась в материнство, почти не оставляя ему шанса проявить свою симпатию и мужское внимание, что очень обескураживало его и заставляло задуматься о правильности сделанного выбора.

Он много работал в медицине, но это не снимало с него ответственности вставать каждую ночь к малышам, кормить их и менять пеленки, по выходным делать покупки и уборку небольшого дома, который они купили по приезду.

Первые разногласия привели к первым трещинам, и чем больше Анри узнавал свою жену, тем глубже и шире они становились: дом был недостаточно большим и красивым, «без стиля» и бассейна, значит надо менять. Утомленный вечными спорами, он, в конце концов, уступил и купил новый дом, а затем пришел черед более крупного, более стильного, более шикарного.

Его жена знала о природной нелюбви своего мужа к крикам, шантажу и насилию, отлично понимала нежелание Анри спорить, и с удовольствием пользовалась возможностью

«не слышать» его точку зрения и не обращать внимание на его предупреждения.

Анри постепенно отдалялся от нее.

Минуты радости и покоя приносило общение с детьми, рождение младшего сына вместе с хлопотами добавило отцовского счастья: Анри читал им сказки, рассказывал истории, ходил на прогулки в парк, приучал к занятию спортом, наслаждался с ними летним отдыхом на море и, конечно же, открывал двери в мир живой классической музыки. Дети не оставляли не замеченными старания своего отца и отвечали взаимной привязанностью, а любимица-дочь на всю жизнь забрала его отцовскую волю, решимость и энергию.

Именно в эти годы Анри открыл для себя русскую литературу и с восторгом погрузился в нее: Толстой, Достоевский, Чехов, Солженицын... слово за словом, страница за страницей, книга за книгой вырывали его из мрачной вселенной супружеской скуки.

Каждый день Анри вставал в пять утра, один час изучал медицинские журналы по дерматологии, следующий посвящал «русскому» чтению, с удивлением открывая для себя тонкие грани русской души, ее извечное стремление к свободе и самовыражению, затем будил детей, заставлял их есть и отвозил в школу, прежде чем отправиться в свой кабинет.

Через классическую литературу Анри смог увидеть, откуда пришла Россия, через что она прошла, он никогда не позволял себе забыть о всех тех страшных испытаниях, выпав-

ших на долю этой огромной страны, но от которых были избавлены «западники», жившие и живущие в легкости и богатстве и позволяющие себе судить и давать ей уроки морали.

Мелкие семейные споры тем временем становились слишком частыми, непрерывными, приносящими Анри стойкое убеждение, что его не слушают, не понимают, не уважают и не любят.

В дополнение к тревогам за будущее семейной жизни терзал вопрос: почему не получается любить жену, чего не хватает в ней, и почему она «чужая» для его души, сердца, мыслей, эмоций?

Настоящее облегчение наступало, когда жена вместе с детьми уезжала на две недели на Пасху и на два месяца летом к своим родителям – эти «пустые» дни без семьи не были пустыми для Анри: он целиком погружался в свой внутренний мир, который «глубже моря», надеясь пролить свет на свои сомнения...

Спустя десятилетия и даже столетия можно проследить связь поколений, генетически заложенные таланты или наоборот, можно найти ответ, внимательно заглянув в прошлое большой семьи, в любовные истории родителей, бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек, лаконично проецирующихся на взаимоотношения будущих потомков.

Анри хорошо знал и бережно хранил в своей памяти реликвии – переплетение родов, рождение новых семей со

«старыми традициями», удивительные чудеса и тайные «скелеты в шкафу», «бабушкины сказки» и «дедовские» наставления.

Его деда по отцовской линии звали Гастон (второе имя Анри), а бабушку – Мария Тереза. Они оба были выходцами из небольших деревень в центральной Франции, на границе Босе (обширной зерновой равнины) и страны Луары (области берегов Луары, реки Шато эпохи Возрождения), с большим количеством лесов и холмов.

Они поселились в деревне деда, Марченуара, недалеко от огромного леса, куда приезжали охотиться короли Франции, в частности Франциск 1-й, построивший самые красивые замки на берегу Луары.

Гастон и Мария Тереза были людьми грубыми, как и все крестьяне, но в то же время, получившие прекрасное образование: дед был инженером-электриком, а бабушка Мария Тереза руководила церковным хором, будучи глубоко религиозной, занималась катехизисом, знала музыкальную грамоту и часто играла на рояле в гостиной большого дома.

Отец Марии Терезы, прадед Анри, был врачом, но погиб во время войны 1914 года, по роковой случайности раздавлен телегой, перевозившей раненых.

Первая мировая война оставила во Франции более ужасный кровавый след, чем вторая мировая: Анри хорошо помнил, как его «большие родители» с обеих сторон говорили о первой гораздо больше, чем о второй.

В каждой семье были свои погибшие, почти четверть мужчин в возрасте от 18 до 40 лет, не говоря уже о раненых, ампутированных, и тех, кого называли «разбитыми мордами», потому что они были обезображены шрапнелью и больше не имели человеческого лица.

Дед Гастон пережил все ужасы войны 1914 года, «знал» окопы и участвовал в битве при Вердене. Он совсем потерял веру и вернулся домой глубоко подавленным, как и все, кто испытал этот ад. Он постоянно курил, был молчалив, довольно груб, тем самым немного походил на Сталина – с такими же усами и друсскими волосами на голове. Пресс-папье на его письменном столе служили головки от снарядов.

Между двумя войнами дед Гастон управлял электростанцией на севере Франции, был важным человеком, с большим домом, с шофером, садовником, уборщицей – и все это оплачивала электроэнергетическая компания.

Именно в этом доме и родился Андре, отец Анри.

Семья отца была очень современна для своего времени: родители поощряли своих детей учиться и не держали их дома, стараясь доверять им: все они путешествовали, получили отличное образование и увлекательные профессии.

Эта традиция перешла и в семью Анри, его отец так же относился к своим сыновьям, он всегда предоставлял им большую свободу.

Анри почти не помнил деда Гастона, ему было всего 6 лет, когда тот умер от болезни легких. После смерти деда бабуш-

ка приняла траур, и с тех пор всегда была «в черном», посвятив оставшуюся жизнь религиозной деятельности и ежедневным мессам. Она прожила еще двадцать лет, была похоронена в могиле своего мужа в той же деревне Марченуар.

Отец похоронен на том же кладбище – он был глубоко привязан к этой деревне и к этой земле, с которой Анри тоже чувствовал незримую связь, но которая всегда вызывала у него тоскливые воспоминания.

У «больших родителей» по материнской линии совсем другая история, впечатавшая свою главу в личностное мироощущение Анри.

Бабушка Камилла была из бедной, крестьянской семьи, из центральной Франции, Берри, «страны лесов и озер», страны несравненной Жорж Санд – любви Фредерика Шопена.

Их было 9 или 10 детей, и ни один из них не смог получить образование, но была в этой семье «художественная жилка»: младший брат очень хорошо разбирался в живописи. Приглядывая за стадами овец, он рисовал, и его работы были замечены «деревенской личностью», которая помогала ему в изобразительном искусстве. Брат бабушки Камиллы стал довольно известным художником – он делал портреты для королевской семьи Англии.

Камилла и Франсуаза, ее старшая сестра, были очень красивыми женщинами, и обе стали танцовщицами в парижских кабаре, но Франсуаза пошла дальше – ее чувственный артистизм ярко проявился в сценах немого кино, и она по праву

«носила за собой шлейф» звезды зарождающегося французского кинематографа.

Второй дед Анри, сын врача, тоже прошел войну 1914 года. Как и большинство мужчин-французов, испытав ад окопов и битву при Вердене, он занялся авиацией, чтобы никогда больше не возвращаться в «солдатское месиво». Невзирая на то, что авиация была настоящей авантюрой в те времена, молодой Эдуард стал летчиком, чтобы вести воздушную разведку и знать позиции противника.

Вскоре после войны он познакомился с Камиллой, женился на ней, и пытался жить как писатель, в надежде реализовать свой талант: написал несколько детективных романов и несколько пьес, но этого было недостаточно, чтобы прокормить молодую семью. Дед принял решение уехать на некоторое время в Марокко (в то время французская колония), чтобы стать фермером.

Через несколько лет они вернулись во Францию, Эдуард занялся недвижимостью, продавая и сдавая дома в аренду.

Годы шли, росло благосостояние семьи, но в их большом доме все еще не звучал детский смех, и желание иметь детей увеличивалось с каждым прожитым днем: в отчаянии дед и бабушка Анри с последней надеждой отправились в паломничество в Лурд, горную деревню, где Святая Дева явилась молодой девушке, Бернадетте.

И чудо случилось! В возрасте почти сорока лет у Камиллы родилась маленькая девочка, названная в честь сестры-ак-

трисы Франсуазой. Два года спустя родился сын Пол и еще через пару лет – мать Анри – Соланж.

Примерно в два года маленькая Франсуаза заболела менингитом и чуть не умерла от него. Рожденная чудом и спасенная чудом, она стала настоящим сокровищем для родителей, уступавшим всем ее желаниям из страха потерять или расстроить, тем самым сделав из нее капризного ребенка, прекрасно умеющего получить все, чего хотелось, и было огромное предпочтение и защита этому ребенку – любой ценой.

После «чуда» Лурда, с рождения Франсуазы, Камилла и Эдуард, которые и так уже были верующими и активными, превратились в «фанатиков», слепо следующих всем предписаниям и словам церкви.

Это вылилось в очень строгое воспитание детей, при котором совершенно исключалось всякое проявление чувственности и сексуальности, например, во всех детективных романах деда Анри ни разу не упоминается о поцелуе (это уже слишком)! Точно так же все детские чтения контролировались и тщательно выбирались с уверенностью, что не будет никаких отрывков, вызывающих даже намек на выражение чувств.

Разумеется, Франсуаза, с ее умом, передавшейся по наследству великолепной красотой, избалованная желаниями и статусом «фаворитки», взрослея, сделала все, чтобы как можно скорее открыть, исследовать, все грани запретной

чувственности.

Строгое воспитание и глупые запреты «дули на угли» эмоциональных страстей Франсуазы, не имея возможности реализовать свою чувственность (как знаменитая тетья-актриса), она проявляла ее несметному количеству любовников, посвятив годы жизни удовлетворению своих желаний, со временем трансформировавшихся в банальное распутство и похоть.

Эдуард всегда отчаянно поддерживал любимицу-дочь, страдавшую наихудшим из грехов, умело шантажирующую его до самой смерти своими желаниями и материальными требованиями.

Соланж, мать Анри, такая же красивая и умная, росла в тени Франсуазы, покорно принимая строгость и требования родителей. Обида и ревность вылились сразу после смерти отца, и потребовалось более двадцати лет, болезнь Франсуазы и старость самой Соланж, чтобы обе сестры, наконец, сблизились.

Анри хорошо помнил воскресные дни в семье деда Эдуарда и бабушки Камиллы веселой детской компанией кузенов и кузин.

Это был прекрасный дом, с большим садом, полным роз, поднимающихся по аркадам, яркими тюльпанами, вишневыми деревьями и сказочным абрикосом, дававшим большое количество вкуснейших фруктов.

У деда Эдуарда была по-настоящему «зеленая рука» – все

его плантации были успешными. У каждого из внуков был свой квадратик земли, с цветами и клубникой, и он с удовольствием и вниманием помогал им возделывать «небольшие клочки сада».

Дед был очень добр к «маленьким детям»: показывал фокусы, водил их на футбольные матчи, угощал конфетами. Бабушка же рассказывала истории о ведьмах, феях, принцессах и поощряла к рисованию. Стены одной из комнат были покрыты смешными детскими рисунками.

Помнил Анри и ежегодные паломничества «большой семьи» в Лурд, в знак благодарения Пресвятой Богородице после чудесного рождения его тетки Франсуазы.

В одну из таких поездок у деда Эдуарда случился сердечный приступ, от которого он уже не оправился.

Бабушка Камилла ненадолго пережила своего мужа, сильно состарившись и никого не узнавая от прогрессирующей болезни Альцгеймера, навсегда заблудившись в своем воображаемом мире...

Анри впитал самое лучшее из «семейной копилки»: незаурядный ум, способность к медицине, мужское упорство и трудолюбие, искреннюю любовь к спорту, восхищение сокровищами мировой классической музыки и литературы.

Его жизнь с самого начала была наполнена высотами принятых на себя целей, его Эверестами. Но еще оставалась чувственность двух Франсуаз, доставшаяся ему, а не его брату, чувственность, которая жила в его душе, мыслях и его те-

ле, не дававшая покоя в своем постоянном стремлении к самовыражению. Анри не позволил себе опустить ее до низменных страстей, он вставил чувственность в радугу своих талантов, тем самым насытив их яркостью, самобытностью, грацией и изяществом.

Да, его чувственность была скована в действиях, но в бескрайних просторах фантазии она приобрела ощутимый вкус и совершенно другой эмоциональный окрас. На смену вечно недовольной супруги к нему пришел новый образ любимой женщины – мягкой, нежной, понимающей и разделяющей, нашедший свое укромное местечко в глубине души и ставший неугасаемым маяком света в запутанном царстве поиска истинной любви.

Как же многогранна душа человека, бесконечна в своих открытиях и возможностях, созидательна в творении личностных Эверестов, как же она сильна в восхождении на их вершины-абсолюты. Как же счастлив человек, имеющий такую душу, подчиняющийся ее зову и устремлениям, какой же полноценной становится его жизнь, наполненная радостными эмоциями победы над ленью, невежеством, бесчувствием и равнодушием к собственной жизни.

Мечты Анри – «стремительные горные потоки, они, как и потоки Кавказа, рождались в чистоте абсолюта, в первозданной красоте ледников, касающихся неба. Начинаясь в этих гигантских ледниках, они не знали другого закона, кроме своего, они рыли свое ложе в настоящем и овладевали на-

стоящим, обретая силу вечности – время не имело над ними власти...»

В конце концов, его мечты – это его судьба, от них нельзя было убежать, они проложили пути его жизни – туманные и неопределенные горизонты, рисующие женский идеал, расцветающие на лице любимой полевыми цветами диких мыслей, из глубины веков, связывающие два мира – его и ее.

Анри занял пространство беспокойных мыслей «женщиной своего сердца».

Фантазия привела его к опыту «морского плотника» – Анри решил своими руками, используя простые инструменты, построить по чертежам лодку из морских фанерных досок и нескольких видов древесных пород. Это была не простая весельная лодка, а настоящий маленький корабль, с мачтой, парусом и гладким штурвалом.

«Серебристо-летняя морская гладь обнимает блестящие на солнце борта, парус послушно подчиняется шустрому бризу и плавно уносит за собой почти игрушечное судно в бирюзовую гладь моря, к точке, соединяющей его с небом... Анри счастлив в своих призрачных мечтах: ему в ответ улыбается безмятежной и доброй улыбкой сладкий образ любимой...»

Браво верить в свои мечты и хотеть реализовать их, уважать, не предавая в жизни, и тогда они становятся достаточно сильными, чтобы стать реальностью. Не надо высокомерно думать, что они утопичны или нелепы. Идти за своей

мечтой всегда требует от человека большой моральной силы, верности высоким личным требованиям, потому что «наклон легкости» всегда протягивает нам руки, и тогда, согласившись забыть свои мечты, выбрав легкость, теряешь красоту и смысл своего существования.

...Вместе с детьми Анри пережил замечательные моменты, полные безудержной радости, смеха, погружения в реку и дружной работой на веслах «папиной лодки».

Несмотря на отсутствие любви к жене, Анри, как можно дольше, оставался в семье ради счастья, равновесия и воспитания своих малышек. Он держался, как можно дольше, пока споры не стали слишком частыми, непрерывными и вредными.

Один раз появившаяся мысль о неизбежном расставании с женой уже не покидала его, наоборот, обрастала уверенностью и желанием избавления от всеохватывающего непонимания и холодной чуждости. Жена как будто не слышала и не видела изменений, которые происходили с ее мужем, и продолжала жить ролью матери, хозяйки большого нового дома, оставляя для себя мнимый статус супруги успешного врача.

В Ноэль, (католическое Рождество – самый главный семейный праздник для каждого француза) после «худшей недели семейной жизни», Анри не мог больше выносить ее прикосновений и объявил, что покидает ее.

Следующие три года были самыми долгими и ужасными, подчиненные бракоразводному процессу, во время которо-

го Анри с удивлением обнаружил, какая же его жена «жадная, обиженная, маленькая, мелкая» – она хотела отнять у него все. День за днем она лишала его дара речи, словно он был объектом, из которого надо извлечь максимум, каждый удобный раз она давала понять, что делает это добровольно, желая отомстить ему. Дети были еще слишком малы, чтобы понимать и принимать чью-либо сторону: папа и мама были одинаково любимы и важны для них. Но мама сумела найти нужное слово и ласку, она лучше знала и понимала каждого ребенка и, конечно, ей со временем удалось внушить детям вину отца.

Взрослея, они понимали его правду по крупицам истины, осторожно принимая исходное стремление Анри к абсолюту во всем и особенно, что касается любви и счастья в такой короткой человеческой жизни.

Годы развода ознаменовались новыми бурными отношениями с женщиной, полной противоположностью его бывшей.

«Мисс Блэк» была маленькой, с длинными черными волосами, очаровательным голосом и смехом, обольстительной чувственностью и умением быть женственной во всем, даже когда курила свои любимые сигареты. Было в ней что-то «кошачье»: осторожный взгляд, мягкие плавные движения, умение отдать себя страстному желанию, оставаясь в то же время несколько отстраненной от мужчины, что, собственно, так завораживало и притягивало к ней Анри. К тому же,

она порвала связи со своими родными и была по-настоящему «черной овцой», тогда как жена Анри была полностью во власти своей итальянской семьи, вполне сравнимой с семьей «крестного отца» всем хорошо известного фильма.

Он называл ее Пантерой... Черной Пантерой...

Анри искал в ней обещание новой жизни, он ухватился за нее, как увязнувший в пустоте с последней надеждой отчаянно цепляется за ветку, не подозревая о ее гнилости и угрозе сломаться, тем самым обрекая себя провалиться в «болото небытия».

У Пантеры была своя личная история, превратившая ее в хищницу, охотившуюся исключительно на мужчин, с откровенной жадой причинить им боль и страдания в ответ на свою неразделенную когда-то любовь.

Беспощадная и расчетливая жестокость одержимой разрушительными силами женщины пряталась за слезы невинной жертвы, погружая любовника в мутные воды своей души.

Анри, ослабленный и полный противоречий, окутанный обманчивой аурой Пантеры, неумолимо уступал своим слабостям, гнался за сверкающими миражами телесных желаний, обещающих сокровища блаженства, чувственности и счастья. Но он стал лишь номером в длинном списке ее жертв: мужчиной, спутавшим настоящую любовь с любовью тела, лишенную сердца.

Мучительное линчевание разводом и безудержной страстью, завершилось опустошением ума и сердца, горечью

разочарования и болезненным расставанием с Черной Пантерой – его Альфой и Омегой.

Ни дня, ни часа, ни минуты, ни даже секунды Анри не сожалел о своем отъезде в Ним – город его новой жизни.

О, свобода бесценная!

Страсти ад для любимой был музыкой,
для меня же пропавшей надеждой.

Маски сняты, слова обид брошены,
одиноким и жалким бреду я по свету...

Чтобы выжить в холодную зиму разлуки
я оставил себе слова ее гнева,
повинуясь инстинкту, схватился за вожжи,
но я был на арене и дрался с гиенами.

Красота метеором любви поглотила меня,
позволяя возиться с мечтами о вечности,
в мои губы впилась необузданность демонов
наказать меня ядами и убить преждевременно.

Очарованный звуками слов горящих и ласковых,
не заметил в сирене беззубую гарпию,
не услышал намеки адского пламени,
потерявшись в плену своего сладострастия.

Я разбился о прошлое, на куски разломался,
обреченно, униженно с ним попрощался,
подобрал все осколки, с трудом нагибаясь,
стал выискивать мудрость в неровностях края.

Новый день уносил меня дальше от пошлости,
что пытала шипами мою память до крови.
Я раскладывал пазлы, играючи образами,
на кусочках бумаги копировал боль свою.

Все моменты любовной истории, все фрагменты
картины без времени – не забыты и не потеряны.
Они собраны в бусы символов,
Вплетены в ожерелья поэзии.

Игра слов превратилась в магию,
ожила мечтами и радостью,
получила огранку временем,
загорелась во мне новой сладостью,
чтобы сделать героем слабого.

История любви к Черной Пантере не отпускала Анри,
придуманная им самим, облагороженная и подаренная этой
женщине самым дорогим подарком, была обращена ею в сер-
рый пепел разочарования и едкий дым воспоминаний.

Он хотел говорить с ней, видеть ее, отдавать тепло свое-

го сердца и нежность рук, он согласен был принимать ее любовь...

Но назад дороги не было, Анри понимал с каждым днем, что одиночество захлестывает и подавляет его волю к жизни: образы любимой наводняли душу, переполняли края сознания, доводя его до отчаяния.

Миг облегчения пришел из «копилки большой семьи», Анри вдруг почувствовал непреодолимое желание создать из рваных клочков пережитого словесную палитру прошлого.

Поэтическими символами и ярчайшими образами он воплотил живые чувственные эмоции, отполировал в них грани страстных отношений с Пантерой, с каждой новой строчкой отрываясь от боли, которую они породили, обретая силу и веру в настоящую любовь и счастье.

Я написал тебе стихи,
сумеречные цветы,
как последнюю из песен
угасающего дня,
испарившийся набросок
заходящего луча...

Ветер стер мой горизонт,
обернув его в ничто,
одиночества туманы

наслоились на него,
и в застывшей атмосфере
я дрейфую кораблем
в горький день из ночи
с тем же горьким сном.

Малым светом пробиваясь
сквозь смертельную тоску,
я пишу тебе стихи,
сумеречные цветы.

В них пристанище мое,
в них, не глядя ни на что,

я надеюсь...

Стихи Анри «укладывались» в записную тетрадь, из года в год переписывались и переделывались в стремлении улучшить их форму, образы и музыкальность.

Его внутренний мир обогатился творчеством, и чем больше он испытывал уродства, предательства и лжи, тем больше этот мир очищался для него в ответ на ужас.

Сегодня Анри смотрит на тексты, как на красивые предметы, у него больше нет слез или болезненных воспоминаний, когда он их читает, он просто говорит себе: «Черт возьми, я пережил время горьких насмешек, и я действительно счастлив, что вышел из этого и сделал что-то «красивое» че-

рез стих».

Сборник без названия, «Эверест Поэзий» Анри пока остается закрытым для всех, кроме его крестной матери и женщины, которой он доверил историю своей жизни.

Две разные женщины... с одним безоговорочным восхищением ажурной тонкостью его поэтического таланта, с единым пожеланием широкого признания его творчества – искреннего, чувственного, правдивого.

От «Эвереста» к «Эвересту» Анри переживал процесс личной эволюции, идущая своим чередом жизнь не изменила его, приобретенный опыт и мудрость постепенно приоткрывали дверь в его собственный мир, оживляли надежды и желания, самые глубокие и сильные, заключали мечты в четкие границы понимания.

Одним из таких желаний было покорение отвесных скал Вердона: он всегда держал эту мечту о великих путях восхождения глубоко внутри себя, так же был верен поставленным целям и шел к ним до конца, через годы и десятилетия.

Откуда же пришел интерес и знания о восхождении?

Родители Анри переехали из городка «Маршалл» в деревню, потому что очень хотели жить в большом доме. Его отец составлял чертежи, выбирал балки из великолепного каркаса, проделал много строительных работ в новом доме и очень этим гордился.

Крошечная деревушка, расположенная прямо на опушке леса, в котором было множество огромных каменных валу-

нов, уложенных на песок, высотой от 2 до 8 метров, фактически был частью очень большого леса Фонтенбло, известного своими массивами скал из песчаника.

Как только Анри с братом добрались до леса, лазить по валунам и скалам, воображая из себя индейцев или ковбоев, стало их любимым занятием. Они водили в лес своих хоккейных приятелей, когда те приезжали к ним в гости на школьные каникулы.

Но настоящее знакомство и интерес к скалолазанию пришел на втором курсе мединститута вместе с новыми приятелями и друзьями из рабочего или среднего класса – Анри чувствовал себя в гармонии с ними, и с радостью включился в развлечения новой «команды», в которой были два парня, увлеченных альпинизмом.

Одного из этих парней звали Чарли, он жил в Альпах, это был очень дотошный молодой человек, с техническим складом ума, много размышлявший обо всем, что он делал, друзья ласково называли его «Шарли» (уменьшительное от Шарля Андре, известного французского архитектора). Другой был сыном железнодорожника, очень любил природу и, особенно, горы, и у него был замечательный парижский акцент, увы, исчезающий в современном столичном обществе.

Анри с энтузиазмом воспринял их идею обучить азам скалолазания всю команду друзей, начав с лесных валунов, недалеко от дома его родителей: они приезжали туда по будням и выходным, когда не было дождя, и было не слишком

холодно (невозможно залезть на мокрую скалу или одолеть ее замерзшими «голыми руками»).

Чарли был их учителем, именно он придумал увлечению «зачатки техники» и посоветовал купить альпинистские тапочки, сжимавшие ногу так же, как и в ботинке от «prima ballerina», чтобы хорошо «почувствовать» скалу.

Какая радость – выехать из Парижа в четыре или пять часов утра, сесть в маленькую машину и залезть один за другим на одну и ту же скалу, так называемую, глыбу!

Надо сказать, что скалы оцениваются, в зависимости от сложности восхождения, группируются по курсу, однородному по сложности, где каждая скала пронумерована и привязана к своему «блоку».

Цель всей команды состояла в том, чтобы «сделать все блоки», от 1-го до последнего номера составленного курса.

Анри восторженно переживал радость успеха покорения «проблемного» блока, объяснял свой метод другим, смотрел за их восхождением и всячески подбадривал друзей «скалолазников».

Мало-помалу они исследовали различные массивы большого леса Фонтенбло, постепенно переходя от уровня «немного трудный» (казавшийся вначале экстремальным), к уровню «довольно трудный», затем «трудный» и, наконец, когда удавался «очень трудный» блок, вся команда радостно гордилась собой.

Друзья мечтали, что когда-нибудь, они смогут «пойти

большими путями» в мифическое место испытания высотой, но их уровень и приобретенное мастерство в правилах альпинизма не позволял им этого: умение обращаться с веревками, карабинами и реле было почти нулевым.

Так, студенческое увлечение Анри привело его к новой цели – ущелью Вердона – его скалы с абсолютной трехсотметровой вертикальностью казались ему граалем альпиниста!

Анри пришел к мечте «Эвереста Высоты» спустя 35 лет, совершив восхождение длиной 450 метров... «вцепившись глазами» в бесконечную прозрачность синеющего неба, он плакал от радости на безучастной к эмоциям голой вершине, раскаленной на солнце и обдуваемой ледяным альпийским Мистралем.

Восхождение полное, поэтапный подъем на одну из колонн вертикальной скалы с идеальным пунктиром, родом из камня.

Огромный собор возведен без рабочего, усилен пилястрами блоков неровных в образе женщин, созданных Гением.

Звуки сирен высоты ослепляют и дразнят, свадебной песней смерть предлагают и манят к себе, где все может угаснуть...

Мистраль небу принес сапфир голубой,
укутал скалу в «атональный покой»,
бредовыми страхами мысли заполнил.

В голой плоскости скального моря,
среди трещин и плит он партиту играет,
кружит голову звоном, почти оглушает.

Болеро беспокойно ищет грань удовольствия,
нить «ничто», за которую нужно схватиться,
чтобы выжило тело, потянувшись за мыслью.

В конечной длине, на гребне скалы,
поднимаюсь навстречу холодному ветру,
издаю первобытный отчаянный крик!

Взгляд на пропасть в тени под ногами
мне победный букет преподносит, счастье полное
вверх, на границу астрала уносит.

«Эвересты» получили свое начало в душе Анри, он приложил все свои усилия, чтобы они ожили и принесли ему радость покорения принятых на себя высот.

А как же «Эверест Любви»? Жив ли еще в нем образ маленькой девочки, «белокурого милого ангела» как символ

идеальной любви, сохранилась ли в нем вера и надежда на счастье? Послушаем самого Анри:

«Да, во мне осталось то глубокое, искреннее, жизненное желание любви, как я себе ее представляю... Сегодня я гораздо больше доверяю своему суждению: я умею распознавать женщину, которая мне не подойдет, и поэтому я всегда одинок, ибо я не хотел ни отстаивать свои идеалы, ни искушать свою удачу. Я всю жизнь не отказывался от этой мечты и обогатил ее, как я тебе и говорил. Если я сдамся, то утону и медленно умру. Но годы проходят неумолимо, безжалостно, и теперь иногда возникает ощущение неотложности, потому что дни сочтены. И все же, даже если бы завтра я узнал, что мне осталось жить всего 6 месяцев, я бы не стал продавать этот идеал!

Моя мечта о любви после многих лет созревания приняла свою окончательную форму. Наконец, идеальный образ любимой вышел из туманов и грозы прошлого, в ясное небо, яркое солнце и сверкающие, бесчисленные звезды.

Неожиданно, но я сравниваю свою идеальную любовь с идеальным стихотворением, стихотворением, в котором заключены все чудеса человеческого: самые прекрасные эмоции, дыхание, которое приводит в движение и стирает всякое горе; я вижу в улыбке этой идеальной женщины роман, роман о любви.

Этот роман тоже совершенен, без помарок и исправлений, без обмана – он вне времени, и это мое завещание. В этой

идеальной любви оба любовника, даже не нуждаясь в разговоре (их понимание так велико!), находятся в одном и том же диапазоне и разделяют один и тот же горизонт, в котором нем нет теней и нет ограничений – это свобода.

И, наконец, в этой мечте об идеале я вижу все сокровища мира и все свои желания во взгляде этой женщины, которую я жду...»

Ты поэма, со слогом, в котором таится
семя малое человеческого величия,
эмоция высшая, на которую смею надеяться,
и дыхание, боль мою уносящее.

В безмятежной улыбке роман наш написан,
без фальши история, без ретуши и без пробелов.
Он говорит о весне, о закатах – рассветах,
в настоящем о будущем. Его завещанием делаю.

Одним камертоном, без слов говорим мы:
«Мое сердце – твой дом, твое счастье цветущее,
твоя радость, оттенками солнца сочная,
горизонт мой свободный, без тени сущий.

На дрожащих ресницах пудрой рассыпанной
блеск алмазов нелживого, доброго сердца,
каждой гранью вращаясь в потоке света,

мой восторг привлекает силой магнита.

В красивом городке, на юге Франции, из окна небольшого дома, окруженного уютным тенистым садом, полным красных и белых роз, доносится грациозная, льющаяся потоком темы и бьющая через край «Симфония тысячи» Густава Малера.

Нежная улыбка тронула уставшее лицо Анри, весь во власти чарующей музыки, в облаках высоты «Эвереста Любви», укутанный волнами счастья, он думает о женщине своей жизни, и он так ждет ее...